

**КУЛЬТУРА КАК НАДЕЖДА И СПАСЕНИЕ
(ПО СЛЕДАМ БРОДСКОГО И ИСКАНДЕРА)
CULTURE AS A HOPE AND SALVATION
(IN THE FOOTSTEPS OF BRODSKY AND ISKANDER)**

**ТАБАЧНИКОВА ОЛЬГА МАРКОВНА
TABACHNIKOVA OLGA MARKOVNA**

*доктор философских наук, преподаватель Бристольского университета, Великобритания
the teacher of University of Bristol, Senate House
Tyndall Avenue Bristol BS8 1TH, Great Britain; e-mail: tabachnikova@yahoo.com*

Ключевые слова: культура, нравственность, поэзия, классические традиции, художественное произведение, культурная преемственность, эстетический вкус.

Key words: culture, morality, poetry, classical traditions, art, cultural continuity, aesthetic taste.

Аннотация: Статья посвящена актуальной проблеме «всех времен» – взаимодействию духовной культуры человечества и научно-технического прогресса. На примере некоторых литературных произведений И. Бродского и Ф. Искандера автор показывает сложные, противоречивые отношения культуры и цивилизации, выражает свою принципиальную позицию по отношению к «вседозволенности псевдокультуры», раскрывает основную задачу современного образования, подчеркивает важность сохранения культурной преемственности и обращения к классическим традициям.

Abstract: Article is devoted to such problem of "all time" as interaction of the spirit human culture and scientific and technological progress. On the example of certain literary works of J. Brodsky and F. Iskander, the author shows the complex and contradictory relationship of culture and civilization expresses the principled position towards the "pseudo-permissiveness," reveals the basic problem of modern education, emphasizes the importance of maintaining cultural continuity and references to classical traditions.

Несмотря на краткость своего выступления, начну издали. Начну с эпохи Просвещения, которая делала ставку на технические возможности человеческого разума и верила, что научно-технический прогресс принесет человечеству долгожданное счастье. Прогресс действительно произошел и происходит всё стремительней, но вместо желанного счастья всё страшнее обнажается зияющая пропасть между достижениями рассудка и нравственным чувством. Как писал Бродский, «то, что мы называем XIX веком, знаменует последний в истории нашего вида период, когда действительность количественно представала в человеческом масштабе. В числовом выражении, по крайней мере, взаимоотношения индивидуума с ему подобными ничуть не отличались от, скажем, античности. То было последнее столетие, когда смотрели, а не взглядывали, когда испытывали чувство ответственности, а не смутной вины. Ускорение темпа (по поводу коего более радовались, чем мужественно сожалели) четко отделило нас от них, хотя бы только в силу его ограничивающего воздействия на любые формы преданности и сосредоточенности. Ибо человеку, путешествующему в пункт своего назначения со сверхзвуковой скоростью или со скоростью пули, трудно разобраться в том, что такое уязвленная честь, табель о рангах, чья-то грусть по поводу разрушенной усадьбы, размышления об одиноком дереве или двусмысленность молитвы. Но именно такова была материя поэзии XIX века, озабоченной движениями индивидуальной души, чьи эволюции, как выяснилось, предвосхищали все законы термо- и аэродинамики. Если сказать по-другому: век назад гораздо меньше стояло между человеком и его мыслями о самом себе, чем сегодня».

Словами ещё одного гения – Фазиля Искандера (и тут мы вплотную подходим уже к теме культуры): «Техническое развитие человеческого ума вырвалось вперед, оторвалось от культуры и грозит человечеству гибелью то ли от рук террористов, то ли от рук безумного диктатора, овладевшего атомным оружием. То ли просто от нового варварства вседозволенности псевдокультуры, которой народ пичкают глупые книги и средства массовой информации и которую народ активно поглощает и потому, что она примитивная, и потому, что она поощряет низменные человеческие инстинкты. Проявляя нравственную брезгливость, мы должны уже сегодня с этой псевдокультурой бороться более беспощадно».

Именно в борьбе с псевдокультурой, как мне кажется, и заключена основная задача современного образования. Борьба эта тяжела, возможно даже обречена, учитывая степень расчеловечивания человека в современном мире. И тем не менее отношения культуры с цивилизацией ещё не стали окончательно «отношениями вдовства». И единственный путь вперед в этом расколоте, забывшем о своей божественной природе пост-христианском мире, посреди наступающего варварства и экзистенциального одиночества – это, по сути, путь назад – к истокам нашей классической традиции, к культуре и ценностям не суррогатным, а настоящим, к этическому напряжению библейских истин и, следовательно, к сокращению трагического разрыва между рассудочной и нравственной деятельностью человечества.

Ибо (я снова цитирую Искандера): «Настоящее художественное произведение не может обойтись без этического напряжения. Читая настоящую литературу, мы не только наслаждаемся красотой, но и невольно развиваем в себе нравственные мускулы. И в этом, грубо говоря, практическая польза культуры. Все псевдоноваторские попытки обойтись без этического напряжения, без понимания, где верх, где низ, где добро, где зло, обречены на провал и забвение, ибо дело художника вытягивать волей к добру из хаоса жизни ясный смысл, а не добавлять к хаосу жизни хаос своей собственной души».

Более того, «знание культуры утешает», говорит Искандер. И ему вторит Бродский в своей Нобелевской лекции, выделяя литературу, и особенно поэзию, как спасительную среду:

«Существование литературы подразумевает существование на уровне литературы – и не только нравственно, но и лексически. Если музыкальное произведение еще оставляет человеку возможность выбора между пассивной ролью слушателя и активной исполнителя, произведение литературы – искусства, по выражению Монтале, безнадежно семантического – обрекает его на роль только исполнителя. Роман или стихотворение – не монолог, но разговор писателя с читателем – разговор крайне частный, исключаяющий всех остальных. И в момент этого разговора писатель равен читателю, как, впрочем, и наоборот, независимо от того, великий он писатель или нет. Равенство это – равенство сознания, и оно остается с человеком на всю жизнь в виде памяти, смутной или отчетливой, и рано или поздно, кстати или некстати, определяет поведение индивидуума. Эстетический выбор всегда индивидуален, и эстетическое переживание – всегда переживание частное. Всякая новая эстетическая реальность делает человека, её переживающего, лицом еще более частным, и частность эта, обретающая порою форму литературного (или какого-либо другого) вкуса, уже сама по себе может оказаться если не гарантией, то хотя бы формой защиты от порабощения. Ибо человек со вкусом, в частности литературным, менее восприимчив к повторам и ритмическим заклинаниям, свойственным любой форме политической демагогии. Дело не столько в том, что добродетель не является гарантией шедевра, сколько в том, что зло, особенно политическое, всегда плохой стилист. Чем богаче эстетический опыт индивидуума, чем тверже его вкус, тем четче его нравственный выбор, тем он свободнее – хотя, возможно, и не счастливее. Именно в этом, скорее прикладном, чем платоническом смысле, следует понимать замечание Достоевского, что «красота спасет мир», или высказывание Мэтью Арнольда, что «нас спасет поэзия».

И, снова возвращаясь к Искандеру, встречаем созвучные мысли: «Насколько легко ограбить, обмануть культурного человека в жизни, настолько трудней его ограбить в духовном отношении. Потеряв многое, почти всё, культурный человек, по сравнению с обычным, крепче в сопротивлении жизненным обстоятельствам. Богатства его хранятся не в кубышке, а в банке мирового духа. И многое потеряв, он может сказать себе и говорит себе: я ведь еще могу слушать Бетховена, перечитать «Казачков» и «Войну и мир» Толстого. Далеко не всё потеряно».

Поэтому так важна, так жизненно необходима волшебная нить культурной преемственности – постоянное и лично выстраданное обращение к классикам, к

национальным гениям, каждый из которых, по словам того же Искандера, «как бы говорит своей нации: "Подымайся! Это возможно. Я ведь показал, что это возможно!"», – словом, ко всем тем, кто своим бессмертным неугасимым наследием продолжает упрямо развивать в нас эстетический (а с ним и этический) вкус как зорек против порабощения и распада.